

**М.В. Сахарова,
С.М. Соловьев**

Революция, изменившая мир

В статье рассматриваются экономические, политические и социальные последствия Октябрьской революции как для России, так и для мира в целом. В статье доказывается, что именно Октябрьская революция послужила стимулом к самореформированию капитализма в XX веке и являлась одним из факторов, способствовавших деколонизации.

Ключевые слова: революция; социальная справедливость; социальное государство; кейнсианство; интернационализм; деколонизация.

Что бы ни думали иные о большевизме, неоспоримо, что русская революция есть одно из величайших событий в истории человечества, а возвышение большевиков — явление мирового значения.

Джон Рид «Десять дней, которые потрясли мир»

Один из крупнейших историков XX века Эрик Хобсбаум, автор книги «Эпоха крайностей. Короткий двадцатый век», писал: «Я считаю, что Великую французскую революцию следует изучать в контексте того, что происходило в последующие за ней двести лет, иначе нам никогда не понять эту “цепь самых страшных и важных для всей истории событий... возвестивших о наступлении XIX века”» [9: с. 20]. Эти слова в полной мере можно отнести и к Октябрьской революции. К ней можно по-разному относиться. Но сложно спорить с тем фактом, что ее влияние на историю XX века огромно.

Заглавие статьи может показаться тривиальным. Всем, помнящим советское время, набили оскомину фразы о «международном характере» Октябрьской революции, о ее «всемирном значении», о том, что она «создала единый революционный фронт пролетариев и угнетенных народов всех стран против империализма» и т. п. Теперь, после развала Советского Союза и краха мировой «социалистической» системы, в эпоху высмеивания социалистических идей и падения влияния левых партий, фразы о мировом значении революции выглядят не только как идеологическое клише, но и как просто глупость.

Да, социализм не был построен не только в мировом масштабе, но даже в отдельно взятой стране. Общество, возникшее в России в XX веке, было классовым, эксплуататорским, политарным [5]. С этой точки зрения, можно говорить о том, что революция потерпела поражение. Но бывают ли революции, которые добиваются именно тех целей, которые ставят перед собой

их вожди? «Хитрость мирового разума» в том и состоит, что получается не то, что задумано, но получается все равно. В ходе Великой французской революции планировалось построить общество «свободы, равенства и братства». Но свобода оказалась лишь формальной, юридической, равенство исключительно правовым, а братство вообще не вписывалось в новую систему. Однако же мы до сих пор пользуемся плодами той революции... Ромен Роллан в 1918 году писал: «Пример новой России, каков бы ни был непосредственный результат, не останется без воздействия на другие народы» (цит. по: [4: с. 238]). А результаты были. Несмотря на все минусы, преимущества советского общества над западным были очевидны. И не только для сторонников нового строя.

Социалистические идеи зародились задолго до возникновения марксизма. Они не были чем-то искусственно созданным и выросли из потребностей угнетенных слоев населения и отражали их представления о справедливом обществе. Именно представления о справедливости являются главным идеологическим «двигателем» в ходе революционного процесса, именно они толкают доселе пассивных представителей масс на активные действия. Но убеждения в том, что существующий социальный строй несправедлив недостаточно для начала активных действий, необходима еще уверенность, что мечты (представления о справедливости) можно воплотить в жизнь. Теодор Драйзер писал: «Я особенно благодарен советской революции за то, что она впервые остро поставила в мировом масштабе вопрос об имущих и неимущих. Советский Союз в 1917 году начал великий поход в защиту неимущих. В этом — мировое значение и торжество марксизма» [2]. «Эта акция русского народа когда-нибудь в будущем превратится в солнце и озарит все человечество» [8: с. 77], — вторила ему турецкая провинциальная газета. Интересно, что в годы, когда писались эти строки, ни у кого (даже у большевиков) не было уверенности в том, что они победят. Но «история будто нарочно создала такое испытание, при котором моральное превосходство и материальный вес не совпадали» [4: с. 256]. «Материально в отношении экономическом и военном мы безмерно слабы, а морально, — не понимая, конечно, эту мысль с точки зрения отвлечённой морали, а понимая её, как соотношение реальных сил всех классов во всех государствах, — мы сильнее всех» [3: с. 300], — писал Ленин в 1921 году. Рабочие всего мира думали: если они смогли, и мы сможем! Они начинали политически мыслить, а так как их представления о социальной справедливости находили отражение в конкретной разработанной идеологии, они получали конкретную политическую программу действий.

Как и после Великой французской буржуазной революции, после Октябрьской революции по Европе прокатилась волна революций: 1917–1919 годы — «большевистское двухлетие» в Испании; 1918 год: Ноябрьская революция в Германии; Веймарская Республика; Бременская Советская Республика; Финская Советская Республика; Советская Латвийская Республика; Эльзасская Советская Республика. 1919 год: Венгерская Советская Республика; Словацкая Советская Республика; Баварская Советская Республика; Лимерикский совет в Ирландии;

1919–1920 годы: «красное двухлетие» в Италии; 1920–1921 годы: Гилянская (Персидская) Советская социалистическая Республика.

В виду слабости внутренних сил и мощной внешней интервенции все перечисленные выше советские республики были уничтожены, революции подавлены. Но, как писал Михаил Лифшиц в статье «Нравственное значение Октябрьской революции»: «Раз люди однажды почувствовали, что они могут быть товарищами по совместному управлению собственной жизнью, то вы не вышибите этого сознания из них топором, не оттолкнете их от него любым лицемерием. Оно может иногда только дремать в них или находить себе неожиданный и странный выход, но присутствие его неоспоримо» [4: с. 255]. И подавленные революции не означали полного проигрыша.

До начала XX века господствовала только одна концепция государства — того, что сейчас называют минимальным государством (*minimal state*), или «государство — ночной сторож» (*night-watchman state*). Согласно этой концепции, государство должно обеспечивать своим гражданам защиту от внешних врагов и гарантировать соблюдение законов. Ничего более оно не обязано делать. В полном соответствии с этими воззрениями и в России, и в мире в целом до XX века отсутствовало социальное законодательство. Рабочие, не говоря уже о крестьянах, не имели никаких социальных гарантий. Рабочий день длился 12–14 часов в сутки, пенсий и других пособий не существовало. В результате, например, в Российской империи детская смертность достигала 25 %. Нет, конечно, отдельные элементы социальной политики имели место. Так, пенсии впервые были введены в Германии в конце XIX века, а в Англии во время Первой мировой войны были созданы общественные детские сады (причины введения вполне тривиальны — женщины должны заменить на производстве ушедших воевать мужчин). Но это были единичные факты, капля в море.

В противовес этому в Советской России впервые в мире вводится восьмичасовой рабочий день — главное требование рабочих движений во всех индустриальных странах. Впервые в мире вводятся оплачиваемые декретные отпуска и отпуск по уходу за ребенком, закрепляется право женщины на развод, право на аборт, уравниваются в правах законнорожденные и незаконнорожденные дети. Медицина и образование становятся бесплатными. В Советском Союзе строится то, что мы сейчас назвали бы социальным государством. Но важнее другое: во второй четверти XX века Запад начинает активно проводить социальную политику, аналогичную советской. Ярким проявлением этой политики является заключение в 1919 году в Вашингтоне международного договора о восьмичасовом рабочем дне. В 1935 году Ф. Рузвельт подписал закон о социальном обеспечении, впервые введший в США пособия по безработице, инвалидности и старости. А после Второй мировой войны эта политика была продолжена и расширена. На Западе создается так называемое *welfare state* или «государство всеобщего благосостояния», в котором с помощью элементов государственного регулирования рыночной экономики и — прежде всего — прогрессивного налогообложения, разрыв между богатыми и бедными был значительно сокращен.

Этот факт часто приводят либералы как аргумент в пользу тезиса о «неужности», «вредности» революции. Мол, западное общество и без всяких революций и кровопролития построило демократию и обеспечило высокий жизненный уровень для большинства граждан. Вот только Октябрьская революция была одним из тех факторов, без которых, возможно, ни демократия, ни «государство всеобщего благосостояния» не появились бы. Не случайно и современники революции, и историки-исследователи пишут об одном и том же: именно пример Советской России заставил западную буржуазию пойти на уступки своему рабочему классу.

В условиях экономического кризиса и Великой депрессии катастрофических размеров достигает безработица и как следствие — социальное напряжение. Западное общество жило в страхе перед революцией. «Казалось, что предсказания Маркса наконец-то воплощаются в жизнь, в чем была убеждена в 1938 году даже Американская экономическая ассоциация» [8: с. 120]. В Германии в конце 20-х — начале 30-х годов резко растет популярность компартии, которая обгоняла нацистов по темпам роста числа сторонников (что, кстати, и стало одной из причин прихода к власти Гитлера, поддержанного как крупным бизнесом, так и высшей бюрократией Германии). В других европейских странах происходит нечто подобное. Рост социальных движений проходит под лозунгом «Сделаем как в России!». Естественно, капиталистами овладевает страх: если мы не пойдем на уступки, то будет как в России. Причем дело было не в страхе перед Красной Армией, а в страхе перед тем, что рабочие станут добиваться социализма по советскому образцу.

Власть имущие оказались перед дилеммой: как сохранить капиталы и избежать социального взрыва в условиях экономического кризиса? Существующие альтернативы очень хорошо обрисовал Ф. Рузвельт в своем выступлении перед промышленниками перед началом реформ, ознаменовавших «новый курс»: либо фашисты, либо коммунисты, либо «новый курс». Если капитал не примет «нового курса» (читай: не поделится прибылью), нет гарантий, что в Америке не произойдет социалистическая революция. И промышленники согласились. Отец будущего президента Джона Кеннеди — сенатор и предприниматель Джозеф Кеннеди вспоминал: «В те дни я чувствовал и говорил, что охотно расстался бы с половиной своего достояния, если бы был уверен, что сохранно в условиях поддержания законности и порядка вторую половину» [1: с. 86]. Так что Ф. Рузвельт попал в точку. Уинстон Черчилль в 1943 году поднимал на Тегеранской конференции тост за Рузвельта как за человека, который политикой «нового курса» «несомненно предотвратил революцию в Соединенных Штатах» [10: с. 679]. Раз уж это хорошо понимали люди, находившиеся по ту сторону баррикад, то что уж говорить о сторонниках Советской России. Например, Теодор Драйзер после введения «нового курса» Рузвельта сказал, что «за всё это я благодарю Маркса и Красную Россию» [2]. И подобных свидетельств множество.

Сказанное можно подытожить словами М. Лифшица: «Если на другой день после Октября не совершилась мировая революция, которую иступленно

ждали массы среди гражданской войны и разрухи, то совершилась мировая реформа, и это было побочным результатом неслыханных жертв, принесённых нашим народом для общего дела социализма» [4: с. 256].

Но дело было не только в страхе. Советская экономика оказалась не затронута Великой депрессией и экономическим кризисом 30-х годов. Выяснилось, что централизованное государственное планирование в условиях кризиса эффективнее рынка. Более того, Вторая мировая война еще раз доказала эффективность плановой экономики и подорвала веру в свободный рынок, так как экономика СССР оказалась эффективнее капиталистической экономики фашистской Германии. Вторую мировую войну выиграла и советский солдат, и советская экономика, в конечном счете превзошедшая германскую как по объему военной продукции, так и по производительности труда. А если учесть, что в движениях Сопротивления в большинстве стран, оккупированных нацистами, коммунисты оказались самыми активными и организованными, неудивительно, что их влияние после войны многократно возросло, что, в свою очередь, толкало послевоенные европейские правительства к продолжению реформ.

Новой экономической моделью стало кейнсианство. Суть кейнсианства в перераспределении доходов внутри существующей системы в пользу низов через ограничение рыночной экономики, усиления влияния государства и тем самым снижение уровня социальных конфликтов. Прогрессивное налогообложение, социальные гарантии, пособия по безработице, бесплатная медицина и образование, расширение прав профсоюзов — все это составные части «нового курса», такие как введение элементов плановой экономики, антимонопольное законодательство, частичная национализация (в основном в социально значимых отраслях — энергетике, железных дорогах и т. д.). Аналогичная «новому курсу» реформаторская политика проводилась в целом ряде стран: дирижизм во Франции; «скандинавская модель социализма»; Германия и Италия пошли по пути фашизма, но после Второй мировой войны и они встали на те же рельсы.

Подобная политика, как ни странно, оказалась выигрышной и для масс (сформировался так называемый средний класс, который стал опорой европейской демократии второй половины XX века), и для буржуазии (экономика вышла из кризиса). Но, вопреки прогнозам Маркса, капитализм самореформировался, а не погиб. «...Один из парадоксов этого странного века заключается в том, что главным долгосрочным результатом Октябрьской революции, цель которой состояла в мировом свержении капитализма, стало его спасение как в военное, так и в мирное время, т. е. сообщение ему стимула — страха, способствовавшего его самореформированию после Второй мировой войны, а также обогащение капиталистической экономики методиками экономического планирования, содействовавшими ее преобразованию» [8: с. 17]. Самореформирование происходило под постоянным давлением со стороны Советского Союза и одновременно с этим в массовом сознании закрепились идеи социального государства и расширился спектр его обязанностей.

Но этим влияние Октябрьской революции не ограничивается.

«Октябрьская революция была воплощением (возможно, одним из самых последовательных) марксистской установки на интернационализм» [7]. Первым же своим декретом («О мире») большевики призвали воюющие страны заключить мир «без аннексий и контрибуций». 2 ноября 1917 года была обнародована «Декларация прав народов России», провозгласившая равенство народов России, а также — «Право народов России на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства». Более того, большевики опубликовали все секретные соглашения царского и Временного правительств, чем доказали свою искренность в деле отмены тайной дипломатии. Игнорировать такое мощное пропагандистское орудие Запад не мог, и в январе 1918 года как ответ на действия Советской России появились «Четырнадцать пунктов» американского президента Вильсона. Они были куда менее радикальны, обещали сохранение колониальной системы, но все-таки уже указывали на необходимость учета «интересов населения» колоний.

Согласно марксистским положениям построить социализм в отдельно взятой стране было невозможно. Отсюда — ориентация большевиков на мировую революцию. Для этой цели был создан III Коммунистический Интернационал — Коминтерн. Чуть позже были разработаны и принципы национально-освободительных революций и движений. И хотя постепенно Коминтерн стал орудием внешней политики Советского Союза и мировая революция уже не входила в его планы, сам факт существования Советского Союза — противовеса мировой капиталистической системе — позволял странам третьего мира проводить более или менее независимую политику. Само Движение неприсоединения было обязано своим существованием биполярному миру. «Но сами интернационалистские установки Октября (поскольку нельзя было, не дискредитировав себя, отказаться от них) успешно работали и при Сталине, и после него: это видно и из истории гражданской войны в Испании, и из поддержки СССР национально-освободительных движений в странах третьего мира после Второй мировой войны» [7]. Именно после войны стали исчезать огромные колониальные империи Великобритании, Франции, Бельгии, Португалии и других стран, но предпосылки для деколонизации создавались в 20-е годы, когда возникли антиколониальные движения, в том числе, благодаря деятельности Коминтерна.

Именно результаты Октября привели к тому, что несмотря на тяжелейшие поражения начальных этапов Великой Отечественной войны, победа все-таки стала реальностью. Александр Зиновьев как-то точно сказал: «Войну выиграл советский десятиклассник». И, действительно, воспитанная новой системой образования молодежь знала, что она защищает. Не только Родину, но и ту социальную систему, которая дала им шанс на лучшую жизнь. Это дети из бедных семей, получившие «путёвку в жизнь» именно в результате революции. Эти люди защищали Родину, и их патриотизм не был абстрактным. Эти люди и вправду были плоть от плоти советского народа, теми, кто после падения царского режима сумел вылезти из беспросветной нищеты благодаря Советской

власти. И этим их жизни похожи на другие — генералов и маршалов Великой Отечественной: сплавщика леса Ивана Конева, железнодорожника Ивана Черняховского, крестьян Николая Ватутина, Георгия Жукова, семинариста, сына псаломщика Александра Василевского, каменотёса Константина Рокоссовского, сына офицера, но ставшего после его смерти рабочим, Алексея Антонова [6].

Конечно, идеалы Октябрьской революции были опорочены сталинизмом: извращением социалистических идей, религиозным культом личности, массовыми репрессиями. Но сталинизм не мог выкорчевать все революционные корни, всю революционную энергию созидания. Например, Сергей Павлович Королев, репрессированный, чудом вернулся с золотого прииска Мальдяк; представители советской интеллигенции, такие же как и он, сумели вырваться за пределы возможного, они творили, созидали — просто потому, что не могли этого не делать. Такие люди есть в человеческом обществе всегда. Такие люди были и в Российской империи. Но именно в советское время, вопреки репрессиям, бюрократии, они могли творить, созидать.

Здесь не место рассказывать о причинах сталинизма, равно как и о причинах деградации советской системы [см. 5]. Важно сказать, что эта деградация началась именно с того момента, как начала угасать, исчезать революционная энергия, созданная Октябрем.

Советская система просуществовала до конца 80-х годов, когда начался ее демонтаж. И демонтаж этот напрямую связан с выявлением (как минимум десятилетием раньше) ограниченности возможностей советской экономики, а впоследствии — с развалом Советского Союза и дискредитацией социалистических идей. Отсутствие альтернативы дало возможность перейти к политике неолиберализма, пытающейся похоронить идеалы Октябрьской революции. Но нет сомнений, что опыт преобразований и идеалы революции еще будут востребованы в российском обществе и мировой истории.

Литература

1. *Leamer Laurence*. The Kennedy Men: 1901–1963. HarperCollins, 2001.
2. *Драйзер Т.* Собрание сочинений в 12 т. Т. 12: Рассказы, статьи и выступления. М.: Правда, 1986. 448 с.
3. *Ленин В.И.* О внутренней и внешней политике республики. Отчет ВЦИК и СНК 23 декабря // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. М.: Политиздат, 1970. С. 291–329.
4. *Лифшиц М.* Нравственное значение Октябрьской революции // Лифшиц М. Собр. соч. в 3 т. Т. 3. М.: Изобразительное искусство, 1988. С. 230–258.
5. *Семёнов Ю.И.* Великая Октябрьская рабоче-крестьянская революция 1917 г. и возникновение неополитаризма в СССР (Россия: что с ней случилось в XX веке) // Политарный (азиатский) способ производства: сущность и место в истории человечества и России. М., 2008. С. 149–235.
6. *Соловьев С.М.* Дело рядового Зинатова. URL: http://scepsis.net/library/id_3213.html (дата обращения: 06.12.2016)/
7. *Тарасов А.Н.* Что б землю в Гренаде... Октябрьская революция — интернационалистский проект. URL: http://scepsis.net/library/id_1927.html (дата обращения: 06.12.2016).

8. *Хобсбаум Э.* Эпоха крайностей. Короткий двадцатый век (1914–1991). М.: Независимая газета, 2004. 632 с.
9. *Хобсбаум Э.* Эхо «Марсельезы» // Дойчер И. Незавершенная революция. М.: Интер-Версо, 1991. 272 с.
10. *Шервуд Р.* Рузвельт и Гопкинс: в 2 т. Т. 2. М.: Изд-во иностранной литературы, 1958. 679 с.

Literatura

1. *Leamer Laurence.* The Kennedy Men: 1901–1963. HarperCollins, 2001.
2. *Drajzer T.* Sobranie sochinenij: v 12 t. T. 12: Rasskazy', stat'i i vystupleniya. М.: Pravda, 1986. 448 s.
3. *Lenin V.I.* O vnutrennej i vneshnej politike respubliki. Otchet VCIK i SNK 23 dekabrya // Lenin V.I. Poln. sobr. soch. T. 44. М.: Politizdat, 1970. S. 291–329.
4. *Lifshicz M.* Nravstvennoe znachenie Oktyabr'skoj revolyucii // Lifshicz M. Sobr. soch.: v 3 t. T. 3. М.: Izobrazitel'noe iskusstvo, 1988. S. 230–258.
5. *Semyonov Yu.I.* Velikaya Oktyabr'skaya raboche-krest'yanskaya revolyuciya 1917 g. i vozniknovenie neopolitarizma v SSSR (Rossiya: chto s nej sluchilos' v XX veke) // Politarny'j (aziatskij) sposob proizvodstva: sushhnost' i mesto v istorii chelovechestva i Rossii. М., 2008. S. 149–235.
6. *Solov'ev S.M.* Delo ryadovogo Zinatova. URL: http://scepis.net/library/id_3213.html (data obrashheniya: 06.12.2016).
7. *Tarasov A.N.* Chto b zemlyu v Grenade... Oktyabr'skaya revolyuciya — internacionalskij proekt. URL: http://scepis.net/library/id_1927.html (data obrashheniya: 06.12.2016).
8. *Hobsbaum E'.* E'poxa krajnostej. Korotkij dvadczaty'j vek (1914–1991). М.: Nezavisimaya gazeta, 2004. 632 s.
9. *Hobsbaum E'.* E'xo «Marsel'езы» // Dojcher I. Nezavershennaya revolyuciya. М.: Inter-Verso, 1991. 272 s.
10. *Shervud R.* Ruzvel't i Gopkins. V 2 t. T. 2. М.: Izdatel'stvo inostrannoj literatury, 1958. 679 s.

M.V. Sakharova,
S.M. Solovyov

The Revolution that Changed the World

The article deals with the economic, political and social consequences of the October revolution, both for Russia and for the world as a whole. The authors prove that it was the October Revolution that stimulated capitalism to reform itself in the XX century and was one of the factors that contributed to decolonization.

Keywords: revolution; social justice; the welfare state; Keynesianism; internationalism; decolonization.